

РЕЦЕНЗИИ

Светлана Курдина

"ДОГОВОР" ИЛИ "РУССКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ"

А.Аузан. Договор-2008. М.: ОГИ, 2007.
152с.; А.Прохоров. Русская модель.
М.: Эксмо. 2007 (Библиотека эксперта). 384 с.

Книги Александра Аузана и Александра Прохорова актуальны не только потому, что вышли совсем недавно. Они актуальны, так как посвящены чрезвычайно насущной проблематике: механизмам и моделям современного развития России, вопросам собственности и управления в нашей стране. Оба автора размышляют о "границах коридора возможностей во взаимоотношениях субъектов российской жизни и наиболее вероятных траекториях движения в этом "коридоре" (Аузан, с. 4).

Оба делают прогнозы относительно дальнейшего развития институциональных механизмов управления. Но основа для таких прогнозов у каждого из них своя.

В книге А. Аузана объединены три публичные лекции, прочитанные автором в рамках лекционного проекта "Полит.ру", и материалы дискуссий в аудитории, состоявшей из ученых, аналитиков, деятелей культуры и т.д. Неформальный стиль изложения, множество интересных примеров делают чтение книги не только полезным, но и чрезвычайно занимательным.

Первая лекция посвящена выяснению того, что в современной России представляют собой основные субъекты, между которыми возможно заключение общественного договора (социального контракта), способного обеспечить стабильное развитие страны в будущем. В качестве таковых автор выделяет власть, бизнес и народ, отмечая при этом множество нерешенных проблем, затрудняющих коммуникацию между ними. Среди наиболее серьезных — отсутствие доверия, неполная легитимность всех видов собственности, постимперский синдром массового сознания, а также отсутствие работоспособной системы обратной связи с обществом.

Во второй лекции обсуждается вопрос о возможной платформе предстоящего общественного договора, о базовой идее, вокруг которой могут объединиться его потенциальные участники. На смену идее свободы, которая, по мнению Аузана, была основой первого периода преобразований (1990-е годы), и идее стабильности, составившей содержание второго периода (после 2000 года), в 2008 году должна актуализироваться идея справедливости¹. Основанием этого служат, как полагает Аузан, объективные данные, фиксирующие рост социальной несправедливости в российском обществе, главным образом в сфере распределения доходов. Проанализированы четыре возможные модели справедливости, наиболее приемлемые для разных групп людей — активных или пассивных, с высокой или низкой склонностью к риску. Реализация этих моделей в обществе предполагает режим компенсации: «если ты хочешь, чтобы было реализовано то, что важно тебе, то пойдешь на жертву, связанную с реализацией того, что нужно мне» (с. 77). Поиск условий взаимной компенсации для групп с разными моделями справедливости мог бы составить содержание процесса общественных переговоров, хотя сам автор признается, что мало верит в их успех (с. 78). В заключительной третьей лекции анализируются основные проблемы современной России, которые должны стать предметом переговоров между государством и обществом. В качестве главной проблемы

---

¹ Политическая и общественная дискуссия, развернувшаяся по поводу результатов декабрьских выборов в Государственную думу, подтверждает верность этого прогноза известного политолога.

Аузан называет развал государственной машины, не способной в ее настоящем виде обеспечить равное правосудие и безопасность граждан. В связи с этим возможна, как он полагает, следующая схема договора между государством и обществом: общество соглашается ограничить свои права и свободы, получая в обмен гарантии безопасности (с. 112). Однако на странице 116 автор указывает, что снижение стандарта прав человека означает неэффективность государства в выполнении его функций. Так будет ли эффективным подобный договор?

Другая проблема, которую выделяет автор, — низкий уровень коммуникации в обществе. И здесь он так же, как нам представляется, высказывает противоречивые взгляды. С одной стороны, Аузан призывает развивать «общенациональную горизонтальную коммуникацию», «общенациональный диалог» (с. 122). С другой, формулирует основной вопрос нынешней повестки дня как «восстановление институтов российской государственности» (с. 123). Но ведь сам автор констатировал, что историческая традиция российского государства представляет собой «долгие века вертикального контракта, или авторитарного режима» (с. 65). Тогда о восстановлении каких государственных институтов все же идет речь — обслуживающих «вертикальный» или «горизонтальный» контракт?

В чем же причина названных противоречий? Рассудим: методологическую основу построений Аузана составляют известные зарубежные теории. Они задают «систему координат и язык понятий» каждой его лекции. Это отметил один из участников обсуждения, А. Долгий (с. 88). В арсенале Аузана — теории общественного договора и социального капитала, теория справедливости Ролза, теория государства как агента по оказанию общественных услуг в обмен на налоги и т. д. Авторские трактовки наблюдаемых социальных явлений в целом определяются перечисленными теоретическими предпосылками. Так, национальные проекты описываются в этой терминологии как разновидность контракта государственной власти с населением, точнее, с наиболее неблагополучной его частью. В то же время из текста лекций ясно, что необходимые условия контракта — равноправие сторон, добровольность заключения сделки и т. д. — в этом случае не соблюдаются. Так можно ли назвать это явление социальным контрактом?

Как было отмечено, Аузан использует в своем анализе ключевые положения теории справедливости Ролза. Первым из этих положений является признание «равных прав свободы» между договаривающимися субъектами. Вместе с тем авторское описание реального положения дел в экономике свидетельствует об отсутствии этого компонента в деятельности потенциальных субъектов договора. Корректно ли в таком случае анализировать российскую ситуацию с помощью модели Ролза?

В итоге — если отвлечься от эффектного и интеллектуально напряженного характера изложения — приходится признать, что автор по сути дела денонсирует результаты проведенных им исследований и предложенных аналитических схем. Заключительным выводом лекций является процитированный выше призыв к восстановлению государственных институтов прошлого, не вытекающий, на мой взгляд, из предыдущего изложения. Представляется, что этот вывод сделан на основании здравого смысла и наблюдений компетентного ученого за ходом естественного развития экономических и политических процессов в стране, но отнюдь не из положений используемых им теорий. Включенные в книгу материалы дискуссии также свидетельствуют о критическом отношении слушателей к доводам лектора. В разной форме они отмечали логическую несогласованность некоторых выводов и положений автора, указывая на «ошибки исследователя» (с. 137), некорректность «переноса правил личных взаимоотношений на политические» (с. 133), несоответствие идеального и реального исследовательских объектов (с. 142), смешение позиций исследователя и политика (с. 144) и т. д.

Как нам представляется, книга Александра Аузана «Договор-2008» лишь подталкивает читателя к мысли, что экономические теории, заимствованные современными российскими экономистами из зарубежных учебников и преподаваемые в вузах, не позволяют достаточно логично, целостно и непротиворечиво объяснять и прогнозировать ход социально-экономического развития российского общества.

Быть может, более эффективен другой метод — исторический, базирующийся исключительно на сопоставительном анализе российского опыта хозяйствования в разные эпохи? Результаты применения такого подхода представлены в другой рецензируемой работе — книге А. Прохорова «Русская модель управления». Она вышла в библиотеке журнала «Эксперт». Предисловие к ней написал научный редактор журнала Александр Привалов. Он отмечает, что «управление в России почти инвариантно по отношению к самым радикальным переменам в устройстве государства» (Прохоров, с. 6), поэтому анализ русской модели управления всегда будет актуален. Против этого трудно что-либо возразить.

А. Прохоров рассматривает почти тысячелетний период российской истории. Увлекательно, с использованием множества исторических параллелей (проиллюстрированных карикатуристом в конце книги), сопоставляя явления из разных эпох, автор доказывает, что в нашей стране постоянно действует одна и та же модель управления. При этом «чем резче перемены в социально-политическом строе, тем заметнее неизменность базовых, структурообразующих элементов национальной системы управления» (с. 317). В качестве таких характерных черт, обеспечивающих функционирование русской модели управления, автор называет следующие: «во-первых, мобилизация и перераспределение ресурсов на ключевые направления; во-вторых, создание централизованных контрольных (а при необходимости и контрольно-репрессивных) структур; в-третьих, автономность низовых подразделений» (с. 37). Негативным следствием этой модели являются неэффективное расходование ресурсов и концентрация управленческих усилий не на их экономии, а на способах мобилизации.

Автор называет русскую модель управления «маятниковой» (с. 160), различая в ней стабильные и нестабильные периоды развития. В ходе первых модель в конце концов «выдыхается», что сопровождается падением показателей социально-экономического развития. В нестабильные периоды в ней включаются конкурентные отношения (отсутствующие в стабильной фазе), происходит качественное развитие системы, вносятся инновации (с. 172). В эти периоды в стране осуществляется так называемая «догоняющая модернизация». Содержанием этого отмечаемого многими авторами процесса является импорт идей и образцов из стран Европы и США. Эмпирические примеры из времен, предшествующих Царству Московскому, периодов правления Ивана Грозного и Петра I, революций 1905 и 1917 годов, равно как и нынешнего переходного периода, призваны подтвердить правоту автора. Не опровергая приводимых исторических фактов, приходится оспорить логику объяснения этих процессов, предложенную А. Прохоровым.

Характерной чертой русского общества во все времена Прохоров полагает его неконкурентное устройство, о чем много и подробно пишет (с. 15—28). Даже внутри кластеров, т. е. в низовых ячейках (общинах, артелях, бригадах, подразделениях и т. п.), куда не «дотягивается» мобилизующее и перераспределяющее ресурсы государство, действует, по Прохорову, не конкуренция между индивидуумами, а отмеченная еще Ф. Энгельсом круговая порука (с. 71). Соответственно, «конкуренция не является движущей силой российской системы управления» (с. 49), т. е. система «не предполагает использование конкурентных механизмов» (с. 29), отмечает автор. Допустим. Но далее, на с. 172, автор пишет буквально следующее: «...В главном русская модель управления относится к системам западного типа, так как в нее изначально вмонтирован механизм конкуренции. Просто конкурентные отношения "запускаются" в работу лишь на одной из двух фаз системы управления — в нестабильной фазе». Для меня остается непонятным и логически не проясненным, почему же эти изначально встроенные в модель конкурентные

отношения не проявляют себя и «не являются движущей силой», как это происходит в системе западного типа, к которой А. Прохоров отнес русскую модель управления?

На мой взгляд, здесь, как и в книге А. Аузана, имеет место неадекватность использованной аналитической схемы предмету исследования. Предложенная логика, обобщающая исторический материал под определенным углом зрения — он задается изначальным определением русской модели как исключительно мобилизационной, перераспределительной и неэффективной, — вступает в противоречие с наблюдаемыми фактами. И факты эти, приводимые самим автором, таковы, что свидетельствуют о многочисленных успехах неэффективной модели управления. Так, Прохоров называет успешным проект эвакуации промышленности и населения в восточные районы СССР в начале Великой Отечественной войны, беспрецедентный по масштабам и темпам, организацию атомной промышленности, освоение космоса и т. д. Автор называет уживающиеся друг с другом неэффективность и результативность «парадоксом русского управления» (там же, с. 9), в силу которого «неподходящими, негодными средствами все-таки достигается весомый результат» (с. II). Но парадокс этот остается необъясненным.

В связи с этим двусмысленно звучит и прогноз автора относительно перспектив развития русской модели управления. В заключительной главе «Перспективы» А. Прохоров пишет, что модернизация русской модели по западным образцам с помощью государственной мобилизации ресурсов общества и перераспределения их на решающие направления уже «недостижима» (с. 318) и «невозможна» (с. 320), и объясняет это сложным устройством современного глобального общества. Затем (с. 322) он утверждает, что русская система управления все же будет модернизирована, причем с сохранением «в качестве главных управленческих инструментов мобилизации и перераспределения ресурсов», а также прочих свойственных системе характеристик, вплоть до уравнивательных тенденций. Так что же изменится? А то, что эта модель должна быть реализована не на уровне государства, а на уровне кластеров. Внутри кластеров будет действовать русская модель управления, а между ними — конкурентная. Но после этого утверждения А. Прохоров подробно рассматривает причины, мешающие кластерным единицам стать «центром тяжести» русской модели управления. Так что обещанный им процесс модернизации модели может растянуться на длительный период (с. 344). Вспоминается история про Ходжу Насреддина, обещавшего шаху научить осла говорить, — к обещанному сроку кто-нибудь да помрет, так что не придется выполнять обещанное.

Таким образом, в работе А. Прохорова мы также сталкиваемся с ситуацией несоответствия прогноза логике предыдущего анализа. На протяжении книги автор отстаивает неизменность русской модели управления, в которой государство, в качестве субъекта управления верхнего уровня, играет основную централизующую роль, а затем прогнозирует выход государства из этой модели и переход на национальном уровне к модели конкуренции между кластерами. Но где доказательства того, что это должно произойти?

Итак, в прочитанных книгах даны противоположные прогнозы относительно будущего России — Александр Аузан полагает необходимым развитие институтов российской государственности, а Александр Прохоров — уход государства из процесса управления. Парадокс состоит в том, что первый автор формально основывал свой анализ на положениях западных теорий, предполагающих весьма ограниченные функции государства, в то время как второй автор базировался на историческом анализе хозяйственного развития России, показывающем высокую роль государства на всех этапах этого развития.

В заключение приглашаю читателей прочесть обе проанализированные книги. Вы найдете в них множество интереснейших идей, тонких наблюдений, почувствуете живой голос собеседников и поймете, что мои заметки отражают лишь малую долю содержания этих достойных работ. Поэтому они остаются на моем рабочем столе.